

Т.Е. Шаповалова

Московский государственный областной университет (Россия)

СУБЪЕКТИВНАЯ СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТИ М. ЛЕРМОНТОВА «МАКСИМ МАКСИМЫЧ»

В предложенной статье на материале повести М.Ю. Лермонтова «Максим Максимыч» рассмотрены семантика и назначение глагольных форм настоящего времени.

Презентные формы, предназначенные для номинации действий и деятельности, событий и процессов, описаны как изосемическое средство выражения категории синтаксического времени в русском предложении. Категория синтаксического времени понимается как объективно-субъективная категория, определяющая и формирующая предложение как единицу синтаксиса. Являясь обязательным элементом грамматической семантики предложения, категория синтаксического времени содержит в себе смыслы, отличающиеся от значений входящих в него компонентов, и имеет специфические средства презентации.

Внимание акцентируется на грамматической, а точнее, предикативной, роли глагола в предложении. Глагольные формы, реализуя свою категориальную семантику, характеризуют процессуальный признак по его отношению к объективной действительности, моменту речи и участникам коммуникации.

В рамках временной определенности выявлена имперфективная и перфективная семантика глагольных форм настоящего времени несовершенного вида. Отмечаются случаи временной нелокализации процессуальных признаков, переданных глагольными формами настоящего времени.

Делается вывод о том, что в зависимости от степени обычности передаваемого факта имперфективное значение настоящего синтаксического времени переосмысливается и акцентируется семантика временной обобщенности и даже вневременности.

В повести «Максим Максимыч» реально и объективно явлено постижение вечных, непреходящих глубинных основ человеческой жизни. Свое поколение М.Ю. Лермонтов оценивал как поколение безвременья. И то, что поэт тяготеет к вневременности, подтверждается на уровне грамматической семантики его повести.

Ключевые слова: категория синтаксического времени; грамматическая семантика; временная определенность; временная неопределенность; вневременность; настоящее синтаксическое время; аспектуально-временное значение; имперфективная, перфективная семантика; временная локализованность.

T. Shapovalova

Subjective Semantics of Verb Forms in Present Tense in M. Lermontov's Story «Maxim Maksimych»

The article deals with semantics and purpose of verb forms in present tense on the material of the story by M. Lermontov «Maxim Maksimych».

Present forms used for nomination of actions and activities, events and processes, are described as izosemantic means of expressing syntactic category of time in a Russian sentence. Syntactic category of time is considered as objective-subjective category that defines and shapes a sentence as a unit of syntax. Being an indispensable element of grammatical semantics a sentence, syntactic category of time contains meanings that are different from the meanings of its components, and has a specific means of presentation.

The article focuses on grammatical, in particular predicative, role of the verb in a sentence. Verb forms, realizing its categorial semantics, characterize the procedural sign on its relation to objective reality, the moment of speech and participants of communication.

In the tense determination, imperfective and perfective semantics of verb forms in present tense are revealed. There are cases of nonlocalizability of temporary signs of procedural signs transmitted by verbal forms in present tense.

The conclusion is that, depending on the degree of generality of a fact, an imperfect meaning of the present syntactic tense is reinterpreted and semantics of temporal generality and even timelessness is emphasized.

The story «Maxim Maksimych» presents real and objective comprehension of eternal, timeless deep foundations of human life. His generation M. Lermontov assessed as timeless generation. And the fact that the poet tends to timelessness is confirmed at the level of grammatical semantics of his story.

Keywords: syntactic category of time; grammatical semantics; temporal certainty; temporal uncertainty; timelessness; present syntactic time; aspectual-temporal meaning; imperfectiv, perfective semantics; temporal localization.

Глагольные формы, предназначенные для номинации действий и деятельности, событий и процессов, являются изосемическим, или базовым, средством выражения категории синтаксического времени. В нашем понимании категория синтаксического времени, будучи объективно-субъективной категорией, осуществляющей в языке объективизацию субъективного содержания, определяет и формирует предложение как единицу синтаксиса. Мы разграничиваем категорию синтаксического времени и морфологическую категорию времени глагола. Категория синтаксического времени, с нашей точки зрения, принадлежит предложению в целом, являясь его обязательным элементом, содержит в себе смыслы, отличающиеся от семантики входящих в него компонентов, и имеет более широкие и специфические средства презентации, чем морфологическая категория времени глагола. В нашу задачу в рамках предложенной статьи входит рассмотрение семантики и назначения глагольных форм настоящего времени на материале повести М.Ю. Лермонтова «Максим Максимыч».

Ученые обращали внимание на сложность грамматической семантики глагола, на богатство его парадигматических и синтагматических связей в тексте, позволяющих передать с помощью глагольных форм языковую картину мира. Так, Н.С. Пospelов отметил, что в «современном русском языке <...> одни и те же глагольные формы в зависимости от контекста или ситуации речи могут иметь временные значения, не сводимые к единому семантическому комплексу и объединяемые только единством формы, выражающей эти значения» [3: с. 83]. На гибкость формы неотмеченного настоящего времени указывал М.В. Панов: «<...> она, неотмеченная, готова обозначать любой временной отрезок», «служить любому времени: до, в момент и после речи» [2: с. 183].

Мы акцентируем внимание на грамматической, а точнее, предикативной, роли глагола в предложении. Глагольные формы, реализуя свою категориальную семантику, характеризуют процессуальный признак по его отношению к объективной действительности, моменту речи и участникам коммуникации. Рассматривая формы глагола

как факты синтаксической системы, обращаемся к анализу неотмеченного настоящего времени, не прикрепленного к определенному времени, «гуляющему по всем временам» [2: с. 184].

В глагольном типе русского предложения формы неотмеченного настоящего выступают как сказуемое двусоставного предложения, главный член определенно-личного, неопределенно-личного и безличного предложений: ...*У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрыч <...> я их таскаю с собой; Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить верить в них слепо; — Да я, знаете, так, к слову говорю; а впрочем, желаю вам всякого счастья и веселой дороги; Избавляю вас от описания гор <...>; — Ну так!.. так!.. Григорий Александрович?.. Так ведь его зовут?..; — Благодарствуйте; что-то не хочется.* Но, каким бы компонентом предложения ни выступала описываемая глагольная форма, ее семантическое наполнение всегда связано с тем или иным отношением содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего. Именно поэтому в поле нашего зрения попадают аспектуально-временные имперфективное и перфективное значения, являющиеся интенциональными и характеризующиеся не только специфической грамматической семантикой, но и особыми средствами ее выражения.

В рамках временной определенности имперфективное значение настоящего синтаксического времени проявляется в формах глаголов, передающих длительные или длящиеся динамические ситуации, которые занимают определенный отрезок на временной оси: *Тут он отвернулся, чтоб скрыть свое волнение, и пошел ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматривает* колеса, тогда как глаза его поминутно наполнялись слезами; *Это — прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которым ходят* обозы через Кабарду из Владыкавказ в Екатериноград; — *Экая чудная коляска! — прибавил он, — верно, какой-нибудь чиновник едет* на следствие в Тифлис. Имперфективная семантика выделенных глагольных форм, для которых более важным является изображение наблюдаемого, или воспри-

нимаемого, процесса, абстрагирована от временной последовательности действий.

Наблюдаемость, или перцептивность, считается элементом содержательной стороны глагольной формы несовершенного вида («в момент наблюдения имеет место одна из серии последовательных фаз ситуации, обозначаемой глаголом» [1: с. 86]) и носит характер созерцания, что не противоречит проявлению ее имперфективно-процессуального значения в художественных описаниях: *Множество низеньких домиков, разбросанных по берегу Терека, который **разбегается** шире и шире, мелькали из-за деревьев, а дальше синелись зубчатой стеной горы, и из-за них выглядывал Казбек в своей белой кардинальской шапке.* Здесь имперфективно-процессуальный характер движения способен растворить происходящее в безграничном времени.

Е.В. Падучева подчеркивает, что «форма настоящего времени глагола в русском языке практически всегда допускает понимание не только в настоящем, но и в гномическом времени» [1: с. 140]. Нелокализованность действий во времени придает им значение постоянного свойства чего-либо, проявляющегося не только в настоящем: *Уж я всегда говорил, что нет проку в том, кто старых друзей **забывает!**; Грустно видеть, когда юноша **теряет** лучшие свои надежды и мечты, когда пред ним **отдергивается** розовый флёр, сквозь который он смотрел на дела и чувства человеческие, хотя **есть** надежда, что он заменит старые заблуждения новыми, не менее проходящими, но зато не менее сладкими...* Значение конкретного синтаксического времени затемняется — акцентируется семантика временной неопределенности. В зависимости от степени обычности передаваемого факта имперфективное значение настоящего синтаксического времени переосмысливается и акцентируется семантика временной обобщенности и даже вневременности. Мысль об обобщенно-временной отнесенности поддерживает слово **есть**, выражающее не конкретное, а «всевременное» настоящее.

Имперфективное узуально-характеризующее значение настоящего синтаксического времени «описывает статическую ситуацию

с неподвижным временем» [1: с. 379] и представляет действия, состояния как временное пассивное свойство субъекта: *Я остановился в гостинице, где **останавливаются** все проезжие и где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глупы или так пьяны, что от них никакого толку нельзя добиться; Он сидел, как **сидит** Бальзакова 30-летняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала.*

Имперфективное узуально-характеризующее значение настоящего синтаксического времени наблюдается и в предложениях с неличным субъектом, где явление, названное семиотическими глаголами или глаголами эмоционального состояния [1: с. 158], не связано с временным ограничением и описывается как типичное, обычное, повторяющееся: *Избавляю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего **не выражают**, от картин, которые ничего **не изображают** <...>; Скажу в заключение, что он был вообще очень недурён и имел одну из тех оригинальных физиогномий, которые особенно **нравятся** женщинам светским.*

Идею повторяемости способны передавать темпоральные наречия со значением узуальной приуроченности, которые выступают в роли специальных экспликаторов, фиксирующих регулярность событий (Е.В. Падучева называет их «фреквентативными наречиями» [1: с. 28]): *Но дурной каламбур не утешение для русского человека, и я, для развлечения, вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей: видите, как **иногда** маловажный случай **имеет** жестокие **последствия**!.. Семантика узуальной приуроченности приобретает релевантный признак временной нелокализованности, а ситуация, отраженная в предложении, — вневременной характер [5].*

Перфективное значение синтаксического настоящего времени помещает процессуальный признак в определенное место на временной оси. Нами выделены [4] две разновидности настоящего перфективного синтаксического времени. В тексте повести они обе находят свою презентацию.

В первой разновидности перфективной семантики отмечаем, что глагольные формы настоящего времени несовершенного вида выступают в своем переносном значении — в значении глагола прошедшего времени совершенного вида. Актуально-длительная семантика несовершенного вида акциональных глаголов утрачивается и интерпретируется как имеющая результат: <...> *на другой день, рано утром въезжает на двор повозка...*; <...> *минут через десять входит мой старик* <...>. Возникновению переносного значения способствует контекст: темпоральные синтаксемы *на другой день, минут через десять* и временные наречия *рано, утром* актуализируют различие между временным планом настоящего и прошедшего. М.В. Панов отмечает в подобных предложениях необходимость позиционного показателя для возникновения способности формы настоящего времени изображать прошедшее время [2: с. 183]. Лингвистическое прочтение приведенных предложений таково: * <...> *на другой день, рано утром въехала на двор повозка...*; <...> *минут через десять вошел мой старик* <...>. Настоящее историческое в морфологии с точки зрения синтаксического аспекта является перфективным значением настоящего синтаксического времени.

Перфективное значение настоящего синтаксического времени второй разновидности наблюдается в предложениях, где в качестве сказуемого выступают глаголы со значением зависимого от воли субъекта перемещения в пространстве: — *А вы, Максим Максимыч, разве не едете?* Действия, эксплицированные такими глаголами, запланированы и имеют модальный оттенок побуждения. Истинным толкованием конструкции является: * — *А вы, Максим Максимыч, разве не поедете?* «Домысливание <...> — это активный семантический процесс. Порождаемые им сдвиги лексического значения глагола дают себя знать не только в употреблении видовых форм, но и форм времени» [1: с. 100].

Заметим, что формы *въезжает, входит* с перфективным значением настоящего синтаксического времени первой разновидности, а также форма *не едете* с перфективным значением настоящего синтаксического времени второй разновидности ока-

зываются стилистически отмеченными показателями самовыражения говорящего. Они «экспрессивнее, энергичнее, резче, динамичнее, острее, напряженнее» [2: с. 185], чем глагольные формы прошедшего либо будущего времени, приведенные в интерпретационных вариантах конструкций.

Итак, результативное значение перфективного настоящего синтаксического времени обнаруживается, если перевести соответствующую морфологическую форму в ретроспективный или проспективный синтаксический план, отражающий событийное прочтение глагольных форм настоящего времени несовершенного вида.

Наше исследование показало, что грамматические формы настоящего времени глагола несовершенного вида, функционируя в предложении, семантически согласуются с лексико-грамматическими контекстными временными показателями — темпоральными синтаксемами, и являются изосемическим, или базовым, средством выражения категории синтаксического времени.

В повести «Максим Максимыч» реально и объективно явлено постижение вечных, непреходящих глубинных основ человеческой жизни. Свое поколение М.Ю. Лермонтов оценивал как поколение безвременья. И то, что поэт тяготеет к вневременности, подтверждается на уровне грамматической семантики его повести.

Литература

1. *Падучева Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.
2. *Панов М.В.* Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. 275 с.
3. *Поспелов Н.С.* О двух рядах грамматических значений глагольных форм времени в современном русском языке // Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике: Избранные труды / Сост. и автор вступ. ст. Е.А. Иванчикова; отв. ред. Н.И. Толстой. 2-е изд. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2010. С. 83–99.
4. *Шаповалова Т.Е.* Категория синтаксического времени в русском языке: монография. М.: МПУ, 2000. 151 с.
5. *Шаповалова Т.Е.* От временной обобщенности к вневременности // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2013. № 4. С. 18–21.

References

1. *Paducheva E.V.* Semanticheskie issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazy'ke; Semantika narrativa). M.: Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'», 1996. 464 s.
2. *Panov M.V.* Pozicionnaya morfologiya russkogo yazy'ka. M.: Nauka, Shkola «Yazy'ki russkoj kul'tury'», 1999. 275 s.
3. *Pospelov N.S.* O dvux ryadax grammaticheskix znachenij glagol'ny'x form vremeni v sovremennom russkom yazy'ke // Pospelov N.S. My'sli o russkoj grammatike: Izbranny'e trudy' / Sost. i avtor vstup. st. E.A. Ivanchikova; otv. red. N.I. Tolstoj. 2-e izd. M.: KD «LIBROKOM», 2010. S. 83–99.
4. *Shapovalova T.E.* Kategoriya sintaksicheskogo vremeni v russkom yazy'ke: monografiya. M.: MPU, 2000. 151 s.
5. *Shapovalova T.E.* Ot vremennoj obobshhyonnosti k vnevremennosti // Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya». 2013. № 4. S. 18–21.